

Владимир Шанин

Летописец собственной души

К 85-летию поэта, прозаика, публициста А. И. Щербакова

...Нас было шестеро — шесть кандидатов в писатели. И на собрании двадцать второго января 1980 года все шестеро были приняты в Союз писателей СССР. Москва всех сразу и утвердила. А потом прошла горбачёвская перестройка, завершившаяся расстрелом Белого дома и ельцинским беспределом. Трое из шестерых умерли, один перешёл в новообразованный Союз российских писателей, осталось нас двое — Саша Щербаков и я...

Александр Илларионович Щербаков родился третьего января 1939 года в селе Таскино Каратузского района десятым ребёнком в крестьянской семье. Основанное казаками в Красноярском крае село построено в два ряда: «Избы смотрят окна в окна —/Кто кого переглядит». В Таскино Саша (по-уличному — Шурка Щербаков) окончил семилетнюю школу и к пятнадцати годам умел делать всё: запрыгал коня, ездил верхом в ночное, косил и ворошил сено, о чём даже стихи написал: «Я сегодня тоже взял литовку,/С косарями встал в единый ряд./У меня крестьянская сноровка,/Не кошу, а брею, говорят». Встал вопрос: учиться дальше... и где? В районном центре, в казачьем селе Каратузе, на берегу бурного Амыла. Родители не настаивали на дальнейшей судьбе сына в родном селе: мол, хочешь учиться — учись. Отец, Илларион Григорьевич, участник двух войн, Гражданской и Великой Отечественной, вздохнув, сказал: «Что ж, поезжай. Но никто ещё из нашей деревни в министры не вышел».

Вместе с однофамильцем Фёдкой Щербаковым Сашу отвёз на лошади Фёдкин отец, Савватий, бригадир тракторного отряда.

Неместные ученики жили по частным квартирам. У тёти Ути Кузьминой, медсестры, сидящей солдатки, имевшей просторный дом на Колхозной улице, кроме взрослых сына и дочери, поселились теперь Саша Щербаков и двое его

товарищей-таскинцев. Непритязательный Саша выбрал себе место в прихожей, спал на диванчике, под которым зимовали куры, и с каждым рассветом его будил петух.

«Может, потому я до сих пор встаю по-деревенски рано», — иногда в разговоре подчёркивал он. Зато здесь, в прихожей, на диванчике, перед тем как уснуть, рождались в голове стихи:

Хотя я разлучён с тобой, деревня,
Без мысли о тебе не прожил дня.
Доверчива, проста и откровенна,
Ты учишь прямотушню меня.

Каждую субботу после уроков таскинские ученики на побывку ходили в свою деревню, а это двадцать пять вёрст. Хорошо, если случится попутка — подвода, машина, трактор, — подберут ребят, а если нет, приходится смело топтать и в мороз, и в дождь, и в слякоть... «Но мы не замечали этих неудобств. Мы жили книгами, идеалами, жили духом, по Божьим заповедям», — вспоминал Саша. Обратное в Каратуз возвращались на следующий день с тяжёлыми котомками, набитыми домашней снедью на всю неделю.

Не то чтобы пропустить урок, но даже опоздать никто из них даже не помышлял: учителей они уважали, более того — любили, ведь те желали ребятам добра, учили добру, каждый был личностью. Саша и доньне вспоминает колоритную фигуру учителя литературы Александра Николаевича Генцелёва, страстного охотника и рыболова, а ещё — поэта, пишущего стихи о природе. Была у него одна особенность. Подкатывал к школе на мотоцикле, стремительно вбегал в класс как был, в униформе, ставил в угол ружьё или удочки в чехле, раскрывал книгу и начинал урок. Читал Гоголя — в лицах, выразительно, как актёр, так и завораживал слушателей. «Мы сидим с открытыми ртами, — вспоминает Саша Щербаков. — Но вот звонок с урока — Генцелёв захлопывает книгу и вскидывает на плечо ружьё. А через минуту мы видим в окно, как он, оседлав мотоцикл,

стрелую вылетает за село, к реке Амылу или Маковкину пруду, —

Туда, где росы-самоцветы
Горят на травах и кустах,
Где коростели до рассвета
Счищают ржавчину в зобах...»

Когда Саша напечатал в районной газете свои стихи, Генцелев первый его поздравил, благословил («на литературную стезю») и, поставив в журнал пятёрку по литературе, заметил: «С известным авансом...» Так Саша получил свой первый «гонорар»... авансом.

А каков он был в художественной самодеятельности! Артист! Вместе с директором школы Сухотиным, человеком экстравагантным и прекрасным историком, они разыгрывали сценки — публика долго им аплодировала. На кутовом смотре в Минусинске, где Саша Щербаков читал свои стихи, каратузцы получили высшее признание. Да, они не только хорошо учились, не только участвовали в самодеятельности, занимались спортом — и всюду «блистали тот же Генцелев... и Сухотин».

«Мы учились в атмосфере требовательности и строгого спроса, — вспоминал Александр Щербаков. — Достаточно сказать, что ежегодно сдавали по семь, по десять экзаменов. Тогда нам это не очень-то нравилось, но теперь я благодарен „старой“ школе, что она не оставляла времени для всякого шалопайства, тусовок с питьём „Клинского“, курением и наркоманией. К счастью, не было и „видиков“. Мои наставники, начиная от первой таскинской учительницы Веры Андреевны Лучинкиной и преподавателей средней школы, столько вложили в меня, что я свободно одолел конкурс (семь человек на место) в Красноярский педагогический институт, а потом ещё окончил два вуза — и все с отличием».

Весна 1953 года вошла в сердца людей великой болью: пятого марта умер товарищ Сталин. Страна замерла в болезненном шоке и через минуту взвыла гудками заводов, паровозов, пароходов, автомобилей. Прощальные гудки разом смолкли — и все-все остановилось в растерянности: что же теперь будет? Как жить дальше?.. Занятия в школе не прерывались, но уже не было ни шума-гама, ни беготни на переменах. Все ходили как сонные, некоторые старшеклассники плакали, учителя входили в классы с заплаканными глазами. (Я хорошо помню, как это всё было...)

Вспоминая те печальные дни, хрущёвскую «оттепель», двадцатый съезд партии, на котором новый генсек извлял в грязи Иосифа Виссарионовича Сталина, Александр Щербаков, уже признанный поэт, почтил Сталина стихами:

Зима. Трещат сороки. Поскрипывают ставни.
А я учу к уроку стихотворенья «Сталин».
Мать занятая починкой моих штанов отпетых,
А я — стихом с картинкой, верхней сказать, с портретом.
Разглядываю трубку, усы и строгий китель,
Что у Вождя и Друга белей, чем вьюги кипень.
В углу пыхтит буржуйка, как паровоз с подсвистом.
И нравится мне жутко начальник всех министров,
Гроза капиталистов и вообще — фашистов...
Великомудр, как Маркс, он, как Ленин, человекен.
И жизнь кругом прекрасна, и я на свете вечен,
И для Державы сроков последних не настанет...
Метель. Трещат сороки. Поскрипывают ставни.

С его именем Саша жил четырнадцать лет, с сыновней памятью о нём — всю оставшуюся жизнь.

Той же весной 1953 года он вступил в комсомол. В 1956 году, получив аттестат зрелости, Александр Щербаков отправил документы в Красноярский пединститут на историко-филологический факультет и со справкой-разрешением от колхозного собрания отправился в райцентр за паспортом. На улице встретился с Генцелевым. Александр Николаевич крепко пожал Саше руку и с теплотой в голосе сказал: «Слышал, идёшь на филфак. Одобряю».

По собственному признанию, Александр «не стучался в двери редакций, не обивал пороги», студенческая многотиражка сама обратилась к нему: «Саша, говорят, что ты стихи пишешь... Не дашь ли парочку? Напечатаем. Стихи газете во как нужны!»

И верно, два стихотворения — «Однокурснику» и «Сапоги» — были напечатаны. Позднее автор сам об этом рассказывал «с лёгкой иронией». Имя талантливого студента «открыл» для массового читателя сам декан историко-филологического факультета Борис Беляев.

Это был высокообразованный человек, несколько лет назад переехавший из Владивостока в Красноярск, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей СССР, автор историко-публицистических книг: повествование «Семья Сибирцевых» (Владивосток, 1954), «Александр Фадеев» (Красноярск, 1956). Готовилась к печати очередная книга — «Отражая жизнь. Книги писателей Красноярска», о чём уже сообщалось в прессе. Он был довольно известным критиком, его статьи печатались в московских журналах. К тому же он был членом редколлегии альманаха «Енисей».

Студенты встали, приветствуя, когда Борис Леонидович вошёл в аудиторию. Сделав знак рукой: садитесь, мол, — декан внимательно оглядел лица притихших студентов. «Стихотворец Щербаков здесь?» — мягко спросил он. «Здесь!» — поднялся Александр. «Ваши стихотворения я передал в редакцию „Енисей“... если, конечно, не возражаете».

Загадочно улыбнулся и процитировал: «А мы в облаках порою ищем своих героев...» Этой фразой начиналось и заканчивалось стихотворение «Однокурснику».

Стихи Александра Щербакова были напечатаны в альманахе «Енисей», который, по признанию автора, «сыграл не последнюю роль» в его литературной судьбе. Они по-юношески честные, бескомпромиссные, отражающие тот мир, который автор испытывает сию минуту, и в этой его искренности живёт нечто большее, чем талант. В «Однокурснике» говорится о студенческой практике в колхозе: обливаясь потом, ребята грузят зерно, однокурсник Вовка работал «будто песню пел, с молодым азартом». Общественное бытие. В «Сапогах» — личное, причём высокое в понятии — о простой обуви как о «друге суровом, но верном»:

Горят на полу золотые круги.
Солнце в окно — как пламя.
Я крепко бечёвкой связал сапоги
И спрятал в пыльном чулане.
Когда за окном берёзовый шум,
Когда полыхает лето,
Я тогда сапоги не ношу,
Я ношу штиблеты.

В 1960 году по комсомольскому призыву Александр Щербаков выехал на станцию Балай Красноярского края — учить станционных детишек русскому языку и литературе. Это была его как бы преддипломная практика, хотя институт он окончил только в следующем году, сдав госэкзамены экстерном. Получив диплом (с отличием) учителя русского языка, литературы и истории, выехал по распределению в Канск, в школу-интернат имени Ю. А. Гагарина. Два года преподавал в восьмых — одиннадцатых классах, затем перешёл на комсомольскую работу — заводделом комитета ВЛКСМ (на правах райкома) Канского хлопчатобумажного комбината. И лишь в июне 1964 года вернулся в Красноярск. Здесь ему предложили должность редактора Красноярского телевидения, в сельскохозяйственную редакцию. Он согласился, но через год перевёлся редактором в студию радиовещания.

Не по душе пришлась ему эта работа. Хотелось творческого полёта: писать стихи, очерки, которые ему, впрочем, особенно удавались, — о людях труда, простых сельчанах, из числа коих он сам ещё недавно вышел. Попросился в редакцию краевой газеты «Красноярский рабочий». И вот уже восемь лет он журналист, корреспондент отделов сельского хозяйства, пропаганды, культуры, собственный корреспондент.

В декабре 1970 года Александр Щербаков вступил в ряды КПСС.

Назначенный специальным корреспондентом, Александр Щербаков уже не заботился о наполнении редакционного портфеля срочным материалом, а выполнял специальный заказ на проблемный очерк или корреспонденцию с глубоким анализом. Здесь он как публицист был поистине на своём месте.

На Иркутском совещании молодых писателей Сибири и Дальнего Востока (июнь 1974 года) мы были участниками, только в разных семинарах, нашими руководителями и строгими критиками были мэтры советской литературы. Об этом событии Александр Щербаков со свойственной ему иронией рассказал в одном из номеров альманаха «Енисей». Тогда ещё мы не думали, кто из счастливлчиков первым войдёт в будущее советской литературы. Первым, как показало время, стал Щербаков, поэт, прозаик, публицист.

Весной 1975 года по заданию редакции он собирался съездить к Астафьеву на Вологодчину — там, в деревне Сибла, на реке Кубене, в девяноста верстах от Вологды, Виктор Петрович купил ветхий домик, починил его и там же встретил Новый год. Щербаков должен был взять у него «что-нибудь» для «Красноярского рабочего», но тогда писатель остановил его письмом: «... пока готовой прозы нет, всё на подходе...»

Встретиться им довелось только двадцать восьмого апреля 1975 года.

В. П. Астафьев писал редактору Красноярского книжного издательства Виктору Ермакову: «Был у меня Саша Щербаков два дня в деревне. Мы отобрали с ним две главы для „Красноярского рабочего“, над которыми я сейчас и работаю... Саша держался очень скромно, никаких сплетен не говорил и доставил радость своим посещением, ибо был первым сибиряком в моей избе...»

Уезжая, Щербаков подписал Астафьеву небольшую книжку прозы, которую Виктор Петрович прочёл залпом и восхитился: «Очень любопытная книга — о деревенских ремёслах, как бы „вымерших“ в силу революционных преобразований, часто плохо обдуманных и поспешных».

Было чему удивляться степенному вологжанину, сибиряку по рождению: этот «молодой стихотворец» одинаково талантлив и в прозе. Умело, со знанием дела так рассказать о бондарях, стекольщиках, печниках, пимокатах, плотниках, столблярах, скорняках, шорниках, копателях колодцев, отыскивающих водяную жилу, и представителей других ныне вымерших ремёсел — это же надо самому почувствовать, подержать в руках, жить в деревне. И в письме к нему Астафьев посоветовал «не бросать работу такого рода, напомнить шибко урбанизированным русским людям, кто они и откуда»...

По приезде в Красноярск Щербаков наладил для вологодского писателя бандероль с кедровыми

саженцами и послал товарной почтой. Через несколько лет Астафьев откликнулся письмом: «Я их рассадил в огороде и по двору штук двадцать, но пошли подряд дождливые лета, и саженцы вымокли, однако два из них попали на свою, каменистую почву, растут и радуют людей своим густым цветом, шорохом благоуханной хвои — сибирский живой привет доброй вологодской земле, многих, в том числе и меня, обогревшей».

С тех пор много воды утекло в Енисее. Александр Щербаков печатался в центральных изданиях, в «Литературной России», в журнале «Советский воин» — со стихами, в журнале «Уральский следопыт» — с прозой, публиковался в альманахе «Енисей», был членом его редколлегии.

Как прекрасного очеркиста, Щербакова пригласили на работу в Красноярское книжное издательство редактором массово-политической литературы, а через год, в 1977 году, крайком партии направил его учиться в Новосибирскую ВПШ. В ноябре 1978 года из партшколы досрочно отозвали и утвердили инструктором в сектор печати отдела пропаганды и агитации Красноярского крайкома КПСС.

К тому времени, как стать членом Союза писателей СССР, Александр Щербаков уже был автором очерковых книг «Хозяйка полей», «Первые ласточки», «Миндерлинка», рассказов о мастерах «Знакомьтесь: мои земляки», так полюбившихся В. П. Астафьеву, повести «Свет всю ночь», изданных в Красноярске. В плане издательства на следующий год стояли два стихотворных сборника — «Живая вода» и «Крупница соли», в издательстве «Современник» (Москва) — книга стихов «Трубачи весны». Кроме того, коллективные сборники «День поэзии», «Енисейский меридиан», «Встреча» вышли со стихами А. Щербакова.

После иркутского «чистилища» в 1974 году общее писательское собрание в Красноярске к нашей шестёрке было довольно благосклонно — все получили такой заряд... Рекомендующие говорили об Александре Щербакове, не сдерживая эмоций. «... Это тот автор, которого я люблю. За его народную простоту, неторопливость, обстоятельность. Возвращаясь из командировки по краю, непременно идёт в газету и предлагает свои очерки. В них, этих очерках, не о том, что увидел, а что передумал в пути. Эти очерки читатель ищет и ждёт... В этом особенная несомненная одарённости Щербакова: умеет за малым открыть крупномасштабное...» (Анатолий Зябров). «И в стихах, и в прозе Александр Щербаков пишет о деревне прошлой и настоящей, пишет с любовью. Он хорошо владеет языком и отлично знает то, о чём пишет. Как писатель он уже сформировался» (Иван Пантелеев).

Тепло отзывались о нём и старшие товарищи с мест: «Я был редактором первой рукописи

А. Щербакова „Знакомьтесь: мои земляки“. С автором было приятно работать. В каждой своей новелле он делал какое-то открытие для меня, чьё детство прошло в деревне» (Михаил Перевозчиков). «Я лёг сегодня спать в пять часов утра. Виноват в этом Щербаков: всю ночь я читал его повесть „Свет всю ночь“. Обими руками голосую „за“» (Сергей Павлов).

И я, крестьянский сын, порадовался тогда успехам своего товарища. Простой паренёк из деревни, откуда «ещё никто в министры не вышел», стал большим писателем, поэтический голос которого «мягко и самобытен». Краевая пресса вполне доказала это.

Повесть «Свет всю ночь», вышедшая в 1979 году в Красноярске, прочёл взахлёб тогда ещё молодой прозаик Василий Титенко и написал о ней статью в «Енисее» под заголовком «Жар потухшего костра». «Вспомнилось это, когда дочитал последнюю страницу книги, — писал он. — Странное чувство — потянуло заглянуть в родной Шуркин отчий гостеприимный дом сибиряка-партизана. Не хочется расставаться с героями. Они близки и понятны. С ними светлее мир. И радуешься писательской удаче. Мягко, непринуждённо, с предельной точностью выпукло вылепленные картины оживают, и забываешь, что ты не был, не жил с простыми таскинцами, не знал их радостей и забот. У каждого героя своя судьба, представленная правдиво, без прикрас, как сама жизнь» («Енисей», 1979, № 5).

Владимир Замышляев: «Щербаковская глубинка претендует, пусть даже скромно, на открытие не дверей и окон сельской географии, а души и характера русского, советского земледельца, его песенно воспринятой природы и мастеровитой работы. Каждая встреча с родной землёй превращается у поэта в душевное столкновение... с тем, что было, ушло и пришло в новую жизнь. В поэтическом самовыражении раскрывается и легко узнаваемый нами человек, рождённый в деревне и живущий в городе» («Енисей», 1985, № 3).

Антонина Малютина, старейшая писательница: «Каждая строка озарена любовью к природе, к родным местам, „где столько простора и света“, „лесной тишины“ и „пахнет детством“. Уроженец села Таскино Каратузского района, поэт хранит благодарную память о нём... „Земля дедов“ — святая для него. Она учила „прямодушно“, воспитывала „крестьянскую сноровку“ в труде. И автор поэмы „Здравствуй, верба!“ видит себя „и весной, и летом в деревне во сне и наяву“...» («Енисей», 1991, № 4).

В восьмидесятые годы Александр Щербаков был собственным корреспондентом газеты «Известия» по Красноярскому краю и Туве, потом представителем издательства «Известия» в Красноярске, с 1992 года — собственный корреспондент журналов парламента

России (последовательно) — «Народный депутат», «Российская Федерация», «РФ сегодня» — по Сибири.

«Свободным художником не был ни дня, — обронил он однажды, — но всё же „между делом“ написал и издал три десятка книжек стихотворений, прозы, публицистики, изданных в Красноярске и Москве. Печатался во многих журналах СССР и России (от „Нашего современника“, „Молодой гвардии“ до „Огонька“ до „Сибирских огней“, „Сибири“ и „Дальнего Востока“), в местных изданиях...»

Да, в каждом летописце жил поэт,
И «Русью пахнут» древние страницы,
Поэзии от них исходит свет.
Всегда ль в поэте встретишь летописца?

Так Щербаков писал о себе, став уже известным поэтом:

Что, летописец собственной души,
В другой душе я тоже след оставляю.

Александр Щербаков — член Союза писателей СССР/России, заслуженный работник культуры Российской Федерации, почётный гражданин Каратузского района, лауреат литературных и журналистских премий, в том числе

Первой (краевой) — за лучшее произведение о Красноярье, Первой международной премии имени А. Н. Толстого за лучшую книгу для юношества, международных премий имени П. П. Ершова, имени А. Н. Плещеева, имени И. Д. Рождественского, победитель Всероссийского конкурса «Русский Лад», финалист Бунинской премии, дипломант Московского международного конкурса поэзии «Золотое перо» и других. Награждён медалью «За трудовую доблесть», Почётной грамотой Правительства России, памятными медалями «100 лет Шолохову», «200 лет Лермонтову», имени Шукшина, «300 лет российской прессы», «80 лет Красноярскому краю» и других. Избран академиком Петровской академии наук и искусств... Так Родина оценила заслуги своего верного сына.

В «лихие» девяностые годы, когда предательски разрушалась великая страна, когда «перевёртыши», мечтавшие о капиталистическом «рае», поджигали, рвали, топтали ногами свои партийные билеты, в здоровом обществе возник вопрос: «С кем вы, деятели культуры?» И не сжигавший партбилета Александр Щербаков через газету «Правда» (2000, март) ответил: «Я там, где патриоты, печальники и строители моей Родины — России, там, где трудовой народ, из которого я вышел и которому я буду служить до последнего дыхания».